

На правах рукописи

Солодовников Константин Николаевич

**НАСЕЛЕНИЕ ГОРНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ
ЭПОХИ РАННЕЙ И РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ
ПО ДАННЫМ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ**

Специальность 07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Барнаул – 2006

Работа выполнена на кафедре археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета.

Научные руководители: доктор исторических наук, профессор
Кирюшин Юрий Федорович;
кандидат исторических наук
Тур Светлана Семеновна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Багашев Анатолий Николаевич;
кандидат исторических наук, доцент
Казаков Александр Альбертович

Ведущая организация: Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Защита состоится 22 декабря 2006 года в 14 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.005.08 при Алтайском государственном университете по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, зал заседаний ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Алтайского государственного университета.

Автореферат разослан 21 ноября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор

Е.В. Демчик

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Многие важные проблемы древней истории Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы, решение которых в значительной мере зависит от данных палеоантропологии, являются дискуссионными. Сложность проблемы происхождения афанасьевской культуры усугубляется недостатком антропологических источников. Остаются открытым вопрос об участии местных групп в формировании ее населения, а также составляющих антропологических компонентах. Не определен исходный район миграции носителей афанасьевской культуры на территорию Южной Сибири, поиск которого в значительной степени зависит от данных палеоантропологии. Крайняя малочисленность краниологических материалов каракольской культуры не позволяет с достаточной определенностью выявить происхождение монголоидного компонента в составе населения эпохи развитой бронзы Горного Алтая, типологическая характеристика которого далеко не бесспорна. Реальная роль в расогенезе каракольской популяции европеоидных групп также остается неясной, как и их отношение к носителям предшествующей на данной территории афанасьевской культуры. Не менее сложные проблемы связаны с реконструкцией исторической ситуации на территории лесостепного Алтая в эпоху ранней и развитой бронзы. Имеющиеся скудные краниологические материалы оставляют открытым вопрос происхождения и расогенетических связей европеоидного компонента в составе населения елунинской культуры. Не ясна роль и характер участия местного населения в ее формировании и, в частности, локальных особенностей елунинской культуры. Отсутствие новых представительных по численности палеоантропологических материалов андроновской (федоровской) культуры не позволяет осветить процесс формирования населения эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая. Остается дискуссионной и по своему значению далеко выходит за его территориальные рамки проблема участия местных групп в сложении андроновской (федоровской) культуры. Не выяснено происхождение южного европеоидного компонента в составе ее населения на территории лесостепного Алтая. Увеличение, за последние десятилетия, начиная с 70-х гг. XX в. источниковой базы в результате широкомасштабных археологических работ повлекло значительный количественный рост палеоантропологических материалов. Их изучение с использованием современных статистических методов позволяет подойти к решению этих вопросов.

Цели и задачи исследования. Основной целью работы является изучение процесса формирования антропологической структуры населения Горного и лесостепного Алтая в эпоху ранней и развитой бронзы на основе анализа краниологических данных, происхождения и генезиса его компонентов. Ее достижение предусматривает решение следующих задач: 1) обобщение и анализ всех краниологических данных по археологическим культурам Гор-

ного и лесостепного Алтая данного периода в соответствии с современным состоянием археологических источников; 2) изучение внутри- и межгрупповой изменчивости населения эпохи ранней и развитой бронзы изучаемой территории; 3) выявление основных слагающих антропологических компонентов, вошедших в его состав; 4) выяснение истоков происхождения выделенных расовых компонентов на основании межгруппового анализа; 5) сопоставление результатов палеоантропологического анализа с выводами археологических исследований.

Объектом исследования являются этнокультурные процессы, протекавшие на территории Горного и лесостепного Алтая в эпоху ранней и развитой бронзы.

Предметом исследования выступает формирование антропологического состава населения эпохи ранней и развитой бронзы данной территории.

Территориальные рамки работы включают области Алтайского региона, разделяющиеся на две части: 1) Горный Алтай, являющийся в географическом отношении ядром Алтайской горной системы, в современных административных границах Республики Алтай и пограничных с ним районов Алтайского края и Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан (Алтайский край, 1978; Малолетко, 1999); 2) Лесостепной Алтай, соответствующий в ландшафтном и административно-территориальном отношении лесостепным районам Алтайского края и сопредельным районам Восточно-Казахстанской и Новосибирской областей. В географическом плане он находится на территории Приобского плато в широком понимании термина (Давыдова, Каменская, Неклюкова, Тушинская, 1966; Раковская, Давыдова, 2001).

Хронологические рамки исследования отражают ранний и развитый этапы эпохи бронзы историко-культурной периодизации и охватывают на данной территории период с конца IV тыс. до н.э. до XII в. до н.э.

Методология и методика. Методологической основой данного исследования является положение о реальности существования человеческих рас (Проблемы расы ..., 2002) и об отсутствии причинной связи между расами и культурами. Однако формирование тех и других на одних и тех же территориях дает возможность перехода от истории биологических общностей к истории общностей социальных. Это географическое совпадение определяет возможности исторической интерпретации результатов палеоантропологического исследования, которая опирается на то, что появление комплекса антропологических особенностей, обнаруженного в чужеродной антропологической среде или на территории, где он раньше не был зафиксирован, безусловно, связано с переселением людей (Алексеев, 1979; Герасимова, 2004; Дубова, 2002). Расовая диагностика выделенных краниологических типов базируется на принципах таксономической неравноценности расовых признаков (Ярхо, 1934) и понимания расы любого порядка как динамической (исторической) категории (Бунак, 1938; 1956; 1980).

Измерения черепов выполнены по стандартной краниометрической программе. Анализ краниологических материалов проводится с учетом популяционной структуры древнего населения. Параллельно анализируются мужские и женские черепа. Обработка первичных данных проводится с использованием методов одномерной и многомерной статистики при помощи интегрированной системы обработки данных STATISTICA for Windows. Для проверки серий на однородность используются показатели изменчивости, кривые распределения признаков, анализ коэффициентов корреляций и попарное комбинирование признаков на корреляционном поле, анализ главных компонент. Сопоставление групп по комплексу признаков проводилось методом Пенроза и посредством межгруппового анализа главных компонент. Матрица обобщенных таксономических расстояний Пенроза подвергалась кластеризации и многомерному шкалированию.

Основной **источниковой базой исследования** послужили краниологические материалы эпохи ранней и развитой бронзы Горного и лесостепного Алтая. Большинство их изучено в Кабинете антропологии АлтГУ. Меньшая часть исследованных черепов хранится в Кабинете антропологии Томского госуниверситета и в краеведческих музеях городов Барнаул (АГКМ) и Новоалтайск (НГКМ). В общей сложности, анализируемый краниологический материал составляет 256 черепов, из них 159 (62%) обработаны и вводятся в научный оборот автором, а 97 (38%) ранее были изучены другими исследователями. В соответствии с культурной спецификой захоронений в половозрастном отношении материал распределяется следующим образом:

Таблица I

Число черепов	Афанасьевская культура	Каракольская культура	Елунинская культура	Андроновская культура
Мужские	62	6	17	58
Женские	29	2	15	51
Детей и подростков	9	–	3	4
Всего	100	8	35	113

Сведения, касающиеся происхождения краниологических материалов и местоположение могильников приводятся в таблице и отмечено на карте-схеме в приложении.

Научная новизна. Данное исследование является первой специальной обобщающей работой, посвященной анализу палеоантропологических материалов эпохи ранней и развитой бронзы одновременно с территории Горного и лесостепного Алтая. Вводится в научный оборот значительная по объему краниологическая серия археологических культур эпохи бронзы данной территории. Вносятся существенные коррективы в представления о происхождении афанасьевской культуры. Впервые установлен смешанный состав ее

населения в пределах европеоидной расы и новыми статистическими методами подтверждено отсутствие генетической преемственности с предшествующим населением. Выделены краниологические типы, характеризующие пришельцев, выявлены наиболее вероятные истоки их происхождения. Изучены серии черепов каракольской и елунинской культур, пригодные для межгруппового статистического анализа. Установлена генетическая связь монголоидного компонента в составе населения каракольской культуры Горного Алтая с группами доафанасьевского времени этой территории и северных предгорий Алтая эпохи неолита-энеолита, а также активное участие потомков последних в формировании елунинской культуры. Определена принадлежность европеоидного компонента в составе каракольской и елунинской популяций к одному антропологическому типу, а также наличие морфологически сходного европеоидного суперстрата в составе населения культур окуневского типа и кротовско-елунинской культурной общности. Рассматриваются вопросы его происхождения и выявляются этногенетические связи различных групп населения эпохи доандроновской бронзы юга Западной и Южной Сибири. Вносятся существенные коррективы в представления о происхождении андроновской (федоровской) культуры лесостепного Алтая. Выявлена расовая неоднородность населения эпохи развитой бронзы данной территории. Реконструируются процессы ассимиляции значительной части местного населения в культурной среде пришельцев и неодинаковая степень участия разных локальных групп предшествующего периода в формировании андроновской (федоровской) культуры лесостепного Алтая. Установлены связи андроновского населения данной территории с популяциями других районов.

Практическая значимость работы. Материалы и результаты исследования могут служить в качестве палеоантропологической базы в междисциплинарных трудах археологов, лингвистов и этнологов; использоваться при создании обобщающих научных работ по антропологии и древней истории Южной и Западной Сибири и сопредельных территорий, подготовке курсов лекций и спецсеминаров для студентов высшей школы.

Апробация работы. Основные положения данного исследования докладывались на региональных (Красноярск, 1997; Барнаул, 2001), всероссийских (Барнаул, 2003) и международных (Барнаул, 2002; 2004) конференциях, V Конгрессе этнографов и антропологов России (Омск, 2003 г.). Результаты работы по теме диссертации отражены в двенадцати научных публикациях.

Структура работы подчинена решению ее основных задач, отражает специфику материала и состояние источников. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и отдельного тома приложения, содержащего таблицы индивидуальных измерений черепов, результаты статистической обработки и рисунки (карта-схема и графики), и включающего 57 таблиц и 60 рисунков.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обоснована актуальность темы, объект и предмет исследования, определены цели и задачи, территориальные и хронологические рамки, источниковая база, обозначены методология и методика изучения материалов, научная новизна работы, значимость полученных результатов, апробация и структура диссертации.

Глава I. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ГОРНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ ЭПОХИ РАННЕЙ И РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ

В *параграфе 1* дается краткая археологическая характеристика периода с более подробным рассмотрением вопросов происхождения. Афанасьевская культура, являвшаяся первой сибирской археологической культурой эпохи металла и первой «скотоводческой» для исследуемой территории, традиционно причисляется к периоду энеолита, но рассматривается сейчас и как принадлежащая к эпохе ранней бронзы (Савинов, 1994). На территории Горного Алтая она известна, в основном, по погребальным памятникам в виде круглых оград из камня над могильной ямой. Положение костяков в них преимущественно на спине скорченно, ориентация чаще на юго-запад и запад, фиксируется окраска охрой. Датируется афанасьевская культура Горного Алтая кон. IV – нач. II тыс. до н.э. По схеме относительной периодизации, разработанной С.В. Цыбом, могильники разделяются на две хронологические группы, различающиеся преимущественно типом надмогильного сооружения. На Среднем Енисее преобладают признаки, характерные на Алтае для позднего этапа. О более ранней датировке афанасьевской культуры Горного Алтая свидетельствуют и радиоуглеродные даты (Цыб, 1984; 1988).

Относительно проблемы происхождения афанасьевской культуры существует устоявшаяся точка зрения, согласно которой она привнесена в готовом виде и формирование ее связано с миграцией населения древнеямной культурно-исторической общности южной части Восточной Европы (Вадецкая, 1979; 1986; Семенов, 1987; 1993; Фрибус, 1998; Цыб, 1984; и др.). Основывается это на сходстве хозяйственного типа, инвентаря, погребального обряда, расового облика и наличия сопоставимых памятников на промежуточных территориях. Различия между концепциями авторов сводятся, преимущественно, к определению первоначального региона миграции. Как место сложения афанасьевских традиций указывалась восточная граница древнеямной культуры (Вадецкая, 1979; 1986) или Волго-Уралье (Хлобыстина, 1975). А.В. Фрибус связывает формирование «ядра» протоафанасьевской культуры с юго-западными вариантами древнеямной общности, отводя при этом особую роль «плоским» могильникам Нижнего По-

днепровья (1996; 1998). Оригинальная точка зрения высказана Ю.Ф. Кирюшиным, которым близость афанасьевцев с древнеямниками объясняется происхождением тех и других из одного района древних цивилизаций Ближнего Востока (Кирюшин, 1991). В.И. Молодиным сформулирована принципиально иная гипотеза о сложении афанасьевской культуры в Центральной Азии на основе местной неолитической культуры. Сходство же с древнеямными памятниками является конвергентным и объясняется эпохальными тенденциями. (Molodin, 2001; Молодин, 2002). Согласно другой точке зрения, значительная роль в формировании афанасьевской культуры отводится горно-алтайскому неолитическому компоненту (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2004).

В постафанасьевское время на территории Южной и юга Западной Сибири появляются культурные образования самусьско-сейминского культурно-хронологического горизонта, вопросы периодизации и датировки каждой из которых решаются неоднозначно. В их числе находится каракольская культура Горного Алтая, хронология которой из-за скудости инвентаря разработана крайне слабо. После ряда передатировок в настоящее время она относится к XVIII–XVI вв. до н.э. (Молодин, 1992; 2002; 2006). В.Д. Кубарев был склонен рассматривать каракольские памятники как особый вариант окуневской культуры Среднего Енисея (1986; 1988). Разделяют их, в основном, некоторые различия в погребальной обрядности. Представлена каракольская культура погребениями в каменных ящиках под курганами или в каменных прямоугольных оградах. Положение скелетов вытянутое на спине, головой на запад, фиксируются следы охры и раскраски на лицах погребенных (Молодин, 2006).

Формирование каракольской культуры определяется В.И. Молодиным (1992; 1993) взаимодействием проникающих из лесостепи в северные предгорья Алтая носителей выделенной Ю.Ф. Кирюшиным большемысской энеолитической культуры с афанасьевским населением. Вероятно, происхождение каракольской культуры непосредственно связано с происхождением родственной ей окуневской. Традиционная точка зрения, согласно которой окуневская культура имеет местное происхождение (Вадецкая, 1986; Максименков, 1975), претерпела корректировку. В ее сложении помимо сибирского культурного компонента значительная роль отводится скотоводческой афанасьевской культуре (Шер, 1991; 1994; Семенов, 1997). Актуализируется проблема западных или юго-западных истоков окуневской культуры. Так, И.П. Лазаретовым ее формирование связывается с миграцией населения из области распространения катакомбной культуры и его взаимодействием с местными группами. Наиболее перспективным местом для поисков прародины окуневцев определяются Южное Приуралье и прилегающие к нему области (1994; 1997). Однако аналогии окуневским культурным традициям имеются на Северном Кавказе и в

Предкавказье, где и следует по другому мнению (Есин, 1995) искать истоки окуневской культуры. Согласно концепции В.В. Боброва, в эпоху доандроновской бронзы в горных и лесостепных районах Южной и Западной Сибири складываются культуры самусьско-сейминского историко-хронологического пласта, в числе которых кротовская, самусьская, каракольская и наиболее яркая – окуневская. Сходство между ними определяется единым компонентом южного происхождения, появление которого объясняется масштабной миграцией населения из районов Передней Азии (Бобров, 1994). По мнению И.Г. Глушкова, специфика подстилающих культурных горизонтов и интенсивность южного влияния, направленного с юго-запада на северо-восток, определяла специфику отдельных культур юга Западной Сибири этого времени (1987; 1988).

В числе культурных образований самусьско-сейминского времени находится елунинская культура эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая (Кирюшин, 1986), составляющая вместе с кротовской Барабинской лесостепи и Среднего Прииртышья отдельную культурную общность (Косарев, 1993). Датируются памятники елунинской культуры в настоящее время XX–XVII вв. до н.э., в ее развитии выделяется два хронологических этапа. Могильники грунтовые, преобладает положение погребенных скорченно на левом боку, ориентация на восток. Основой хозяйства являлось скотоводство (Грушин, 2002; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003; и др.).

Происхождение елунинской культуры в значительной мере связывается с местной большемысской энеолитической культурой. Преемственность наблюдается в различных категориях инвентаря и орнаментации керамики (Грушин, 2004; Кирюшин, 2002). В процессе ее формирования принимал участие и пришлый компонент. По мнению Ю.Ф. Кирюшина, в значительной мере опирающегося на результаты палеоантропологических исследований, его происхождение связано с миграцией населения из районов Средней Азии и Восточного Средиземноморья, в составе которого преобладали мужчины (1987). С.П. Грушиным пришлый компонент елунинской культуры связывается с культурами степной полосы Евразии (2002).

Распространение в эпоху развитой бронзы на юге Западной Сибири андроновской (федоровской) культуры вызвало почти полное исчезновение культур предшествующего времени. Мощный андроновский миграционный поток с запада на восток по своей исторической сути сопоставляется с «великим переселением народов» (Бобров, 2003; Деревянко и др., 1994). На территории лесостепного Алтая андроновская (федоровская) культура датируется XVII–XVI – XIII–XII вв. до н.э. (Кирюшин, 1995; 2002). Большинство ее могильников здесь являются грунтовыми, но на юго-западе Алтайского края известны и курганные. Памятники этих районов в культурном и территориальном отношении тяготеют к Верхнему Прииртышью (Могильников, 1997). Погребения соверша-

лись, преимущественно, в подпрямоугольных ямах скорченно на левом боку, головой на юго-запад, иногда встречается кремация. Материалы поселений свидетельствуют об относительной оседлости андроновского (федоровского) населения и характеризуют его хозяйство как пастушеско-скотоводческое (Кирюшин, 1995; Косарев, 1991).

Центром происхождения андроновской (федоровской) культуры признаются области к западу от исследуемой территории (Зданович, 1988; Кузьмина, 1994; Матвеев, 1998; Ткачева, 1997; и др.), но остается актуальным вопрос о характере и степени участия местного населения в ее формировании на территории Сибири. В лесостепном Алтае андроновцы, как предполагается, вытеснили население елунинской культуры и частично ассимилировали. Часть елунинских групп переселилась в другие районы, где в процессе их взаимодействия с населением степановской культуры формируется кротовская (Кирюшин, 1992; 2002; Кирюшин, Грушин, 2001).

Во *втором параграфе* прослеживается история изучения палеоантропологических материалов Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы, которая связана с именами таких исследователей как Г.Ф. Дебец (1932; 1948), В.П. Алексеев (1961; 1989; Алексеев, Гохман, Тумен, 1987), В.А. Дремов (1981; 1990; 1997; Дремов, Козьмин, 1993), Т.А. Чикишева (1994; 1995; 2000; 2003; Чикишева, Поздняков, 2003). Результаты их исследований сводятся к следующему. Афанасьевское население Горного Алтая и Среднего Енисея характеризуются единым длинноголовым протоевропейским антропологическим типом. Появление его на Алтае-Саянском нагорье связывается с миграцией населения с территории Восточной Европы (Алексеев, 1961) или, по другому мнению, он является автохтонным для степей Евразии, в том числе и для восточной их части (Алексеев, 1989; Чикишева, 1994). Население следующей за афанасьевской каракольской культуры, судя по единичным и фрагментарным материалам, сохраняет генетическую преемственность с группами доафанасьевского времени, оставившими погребения в пещерах Горного Алтая. Характеризируются они брахикранным краниологическим типом с невысоким лицом и умеренно выраженными монголоидными особенностями. Сходный с горно-алтайским компонент фиксируется на неолитических черепках Среднего Енисея. Наблюдаемое краниологическое сходство каракольцев и окуневцев объясняется наличием сходного морфологического субстрата, определившего монголоидную специфику их физического облика (Чикишева, 1995; 2003; и др.). Краниологические материалы елунинской культуры лесостепного Алтая по причине малой численности суммируются с синхронными материалами районов бассейна Верхней Оби (Дремов, 1997). Полученная серия доандоновского этапа бронзового века Верхнего Приобья характеризуется как морфологически неоднородная. Ее мужская часть представлена пришлым

европеоидным населением южного происхождения, в то время как женская – местным смешанным европеоидно-монголоидным (Дремов, 1997). Черепа андроновцев (федоровцев) лесостепного Алтая включают в более или менее обширные в территориальном отношении серии, которые характеризуются чертами андроновского варианта протоевропейского типа (Дремов, 1981; 1990; Чикишева, Поздняков, 2003). В Приобье фиксируется монголоидная примесь местного происхождения. Прослежен и грацильный европеоидный компонент, связанный с участием в переселении на эту территорию населения алакульской культуры (Дремов, 1990; 1997; Дремов, Козьмин, 1993) или, по другому предположению, с южным европеоидным компонентом в составе населения предшествующего периода (Дремов, 1997).

Глава II. ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ ЭПОХИ РАННЕЙ И РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ

Параграф 1 посвящен палеоантропологии афанасьевской культуры Горного Алтая. Ее суммарная краниологическая серия характеризуется как ярко европеоидная с выраженными чертами длинноголового протоевропейского антропологического типа с широким и невысоким лицом (Табл. II). Влияние монголоидной расы на антропологический облик населения афанасьевской культуры Горного Алтая не обнаруживается. В то же время, внутригрупповой анализ демонстрирует морфологическую неоднородность в пределах европеоидного расового ствола, как на уровне суммарной серии, так и на уровне могильников и локально-территориальных групп. При анализе внутригрупповых коэффициентов корреляций признаков, а также при сравнении локальных серий черепов, намечается обособление двух морфологических вариантов, имеющих в определенной степени географическую приуроченность. Различаются они по морфологическому вектору брахи-зуриморфность – долихолептоморфность при анализе коэффициентов корреляций, или короткоголовость-низколицесть и длинноголовость-высоколицесть, по афанасьевскому масштабу, при сравнении периферийных групп из могильника Усть-Куюм и Северо-Западного Алтая с остальными. Крайним проявлением особенностей второго морфологического варианта являются отдельные черепа с брахикранной формой мозговой коробки.

На материалах из могильников по р. Урсул и Сальдяр I в центральных районах Горного Алтая выделяются два европеоидных долихокранных краниологических типа, входящих в качестве основных компонентов в состав населения афанасьевской культуры. Первый из них гиперморфный, с крупной высокой мозговой коробкой и средненаклонным лбом. В количественном отношении он преобладал в составе алтайских афанасьевцев. Другой краниологический тип умеренно гипоморфный, с менее крупной, абсолютно и относительно низкой мозговой коробкой и

наклонным лбом. Доля его значительно больше в составе афанасьевцев Среднего Енисея, чем Горного Алтая. Предполагающийся генетический разрыв между населением этих территориальных вариантов культуры (Алексеев, 1989) объясняется, вероятно, разной долей участия исходных компонентов.

Результаты межгруппового статистического анализа на широком географическом и культурном фоне демонстрируют отсутствие генетической связи афанасьевцев с автохтонным населением Южной Сибири. Антропологические отличия нео-энеолитических групп Горного Алтая, его северных предгорий, а также Среднего Енисея, имевших значительный монголоидный компонент, от населения афанасьевской культуры очень большие. Наибольшее морфологическое сходство афанасьевцы в целом обнаруживают с населением среднестоговской энеолитической культуры и группами древнеямной культурно-исторической общности южной части Восточной Европы, а среди последних – из районов Волго-Уралья. Морфологическое сходство афанасьевского населения с популяциями энеолита-ранней бронзы Кавказа и юга Средней Азии значительно меньше. Это позволяет сконцентрироваться при сравнении серий афанасьевской культуры из разных могильников и районов Горного Алтая на краниологических материалах синхронного и более раннего времени с территории Восточной Европы. Результаты этого сопоставления демонстрируют сходство территориальной изменчивости краниологических особенностей населения эпохи ранней бронзы Горного Алтая, и древнеямного и предьямного времени юга Восточной Европы. Зачастую отдельные группы носителей афанасьевской культуры краниологически менее сходны друг с другом, чем каждая из них с территориально удаленными восточноевропейскими популяциями. При дифференцированном использовании в межгрупповом анализе краниологических материалов эпохи ранней бронзы с территории Украины, наибольшее сходство афанасьевцев прослеживается с группами древнеямного и предьямного времени, локализованными к востоку от Днепра. Межгрупповое сопоставление черепов гиперморфного и умеренно гипоморфного краниотипов в составе населения афанасьевской культуры Горного Алтая, на фоне популяций энеолита-ранней бронзы Восточной Европы, выявляет их восточноевропейское происхождение и генетическую связь с населением предшествующей по отношению к древнеямной среднестоговско-хвалынской культурной общности. Черепа гиперморфного компонента входят в морфологическую совокупность, которую составляют серии среднестоговской культуры Украины и некоторые древнеямные из восточных районов древнеямного ареала. Умеренно гипоморфный морфологический компонент в составе горно-алтайских афанасьевцев, вероятно, генетически связан с энеолитическими группами, оставившими могиль-

ники типа Хвалынского в лесостепном Поволжье. В общую с ними антропологическую совокупность входят также некоторые группы эпохи ранней бронзы южной части восточноевропейских степей к востоку от Днепра. Таким образом, населению афанасьевской культуры «изначально» был присущ определенный краниологический полиморфизм в пределах европеоидной расы, истоки которого находятся на территории восточных районов восточноевропейских степей и лесостепей.

Во *втором параграфе* проводится анализ краниологических находок каракольской культуры. Антропологический облик ее населения характеризуется смешанным монголоидно-европеоидным краниологическим типом. При этом доля монголоидного элемента ощутимо больше в составе женской части популяции. Новые краниологические материалы каракольской культуры, представленные тремя мужскими черепами (Табл. II), позволяют предполагать наличие в составе ее населения европеоидного морфологического компонента, сходного с гиперморфным вариантом средиземноморского антропологического типа. Характеризуется он крупной долихокранной мозговой коробкой с наклонным лбом, широким и высоким ортогнатным лицом. В целом же, краниотип мужской и женской части каракольского населения сходен с краниологическим типом населения окуневской культуры.

По результатам межгруппового сопоставления с сериями монголоидного и смешанного типа выявляются различия в мужской и женской части каракольского населения. Монголоидные черты мужских черепов связаны, в основном, с морфологическими особенностями населения эпохи неолита-энеолита северных предгорий Алтая, монголоидный компонент в составе которого представлен палеосибирским типом. Женские черепа каракольской культуры обнаруживают иное направление преобладающих морфогенетических связей – с нео-энеолитическими группами, оставившими погребения в пещерах Горного Алтая, а также монголоидами неолита и бронзы Среднего Енисея. Вероятно, морфогенетическая основа для формирования населения каракольской культуры состояла из двух компонентов, один из которых представлен на черепах из горно-алтайских пещер, другой – на черепах из нео-энеолитических погребений северных предгорий.

Европеоидный компонент в составе населения эпохи развитой бронзы Горного Алтая, фиксирующийся уже в биологически смешанном виде с местными монголоидными типами, выявляется при межгрупповом сопоставлении мужской серии. Судя по его результатам, европеоидная морфологическая составляющая населения каракольской культуры отлична от протоевропейского антропологического типа, характеризующего, в среднем, население предшествующей афанасьевской культуры, и имеет самостоятельное происхождение по отношению афанасьевцев. Она

однотипна с европеоидным компонентом в составе населения культуры окуневского типа с территории Тувы и синхронной им елунинской культуры лесостепного Алтая, в составе которых представлен в более «чистом», менее смешанном с монголоидным элементом виде. Европеоидный суперстрат в составе населения данных культурных образований на основании его наибольшего морфологического сходства с серией из могильника эпохи бронзы Ранний Тулхар на юге Таджикистана, следует связывать с гиперморфным вариантом средиземноморской расы. Однако имеющиеся материалы не позволяют однозначно решить вопрос об исходном районе миграции его носителей на территорию Южной Сибири. Прототип морфологической комбинации признаков, присущей для европеоидного компонента населения самусьско-сейминского времени Южной Сибири, предположительно, мог находиться на территории Кавказа или прилегающих районов – в Закавказье или севернее, вплоть до степных районов Предкавказья.

Глава III. ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ ЭПОХИ РАННЕЙ И РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ

Параграф 1 посвящен анализу палеоантропологических материалов елунинской культуры. Антропологический состав ее населения неоднородный и формируется в результате взаимодействия европеоидного и монголоидного компонентов. Как и у носителей синхронной каракольской культуры, доля монголоидного элемента ощутимо больше в составе женской части елунинского населения. Женщины, в целом, сохраняют генетическую преемственность с нео-энеолитическим населением южных районов Верхнего Приобья, характеризующимся смешанными монголоидно-европеоидными чертами с монголоидным компонентом высоколицего типа (палеосибирской расы). В составе мужчин-елунинцев доминирует долихокранный высоколицый европеоидный компонент, характеризующийся краниологическими особенностями южной европеоидной средиземноморской расы и не имеющий местных корней. Незначительная доля монголоидного компонента в их составе, выделяемого с помощью внутригрупповых корреляций, фиксируется уже в виде биологической примеси. Выявляется тенденция увеличения доли монголоидного элемента с юга на север, или/и в хронологически более поздних группах населения эпохи ранней бронзы лесостепного Алтая.

Как свидетельствуют результаты межгруппового анализа, население различных культур эпохи доандроновской бронзы юга Западной и Южной Сибири, в том числе елунинской культуры, в расовом отношении объединяет монголоидная морфогенетическая основа местного происхождения. Проявляется она преимущественно в женских группах и характеризуется чертами различных монголоидных типов. Краниологическое разнообразие местного компонента соответствует полиморфизму населе-

ния неолита-энеолита этих же территорий. При этом территориальное распределение различных монголоидных морфологических вариантов повторяется в диахронии.

Интегрирующим фактором для населения самусьско-сейминского времени юга Западной и Южной Сибири является также присутствие в его составе пришлого европеоидного компонента, представленного, преимущественно, в мужских сериях и типологически сходного в большинстве из них. В составе населения культур окуневского типа Горного Алтая и Тувы он представлен в форме гиперморфного варианта средиземноморского типа. Не исключено его присутствие и у окуневцев Среднего Енисея. Однако основной европеоидный компонент в их составе наиболее сходен с брахикранным протоевропейским типом, что согласуется с выводами А.В. Громова (1997). Одинаковый европеоидный компонент присутствует у населения елунинской и кротовской культур. Он также морфологически наиболее сходен с гиперморфным древнесредиземноморским типом, но, возможно, отличался несколько меньшей шириной лица. Морфологические особенности ярко европеоидных мужских черепов из погребений восточных районов Верхнего Приобья, связываемых с самусьской культурой, продолжают эту тенденцию уменьшения скулового диаметра у пришлого европеоидного компонента в составе населения культур эпохи доандроновской бронзы. Эти черепа проявляют большее морфологическое сходство с узколицими сериями средиземноморского типа. Европеоидная морфологическая составляющая, выявляемая в расовом составе населения археологических культур эпохи доандроновской бронзы юга Западной и Южной Сибири, по-видимому, происходит из одного источника. Появление этих краниологически несколько различающихся европеоидных вариантов следует связывать с одним миграционным потоком. Его исходным районом, или одним из промежуточных, но в наибольшей степени фиксируемым с помощью антропологических данных, возможно, являлись территории, непосредственно прилегающие к Кавказу.

Параграф 2 посвящен палеоантропологии андроновской (федоровской) культуры лесостепного Алтая, население которой в среднем характеризуется ярко выраженными европеоидными особенностями (Табл. II), но отличается значительной морфологической неоднородностью. В антропологическом составе населения эпохи развитой бронзы данной территории выделяется несколько морфологических компонентов, доля которых существенно варьирует в разных локальных группах, а также неодинакова у мужчин и у женщин. Более половины черепов проявляют черты андроновского варианта протоевропейского типа с присущими ему морфологическими особенностями: крупной высокой мезокранной мозговой коробкой, прямым широким лбом, широкими и низкими лицом и орбитами. Этот краниологический комплекс преобладает у андроновцев (федоровцев) Бар-

наульско-Новосибирского Приобья и Причумышья. В составе населения эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая присутствует и другой европеоидный краниологический тип, который может быть диагностирован как морфологически средиземноморский. Характеризуется он длинной и узкой долихокранной мозговой коробкой, нешироким и более наклонным лбом, довольно узким и относительно высоким лицевым скелетом. Наибольшая его доля фиксируется в сериях черепов более южных и западных районов – из могильника Фирсово XIV и с территории Рудного Алтая, где достигает половины от общего количества. Третий морфологический компонент проявляет монголоидные расовые особенности и выделяется преимущественно у женщин. Доля его незначительна и фиксируется он, иногда, в смешанном виде. Характеризуется широкой суббрахикранной низкой мозговой коробкой, широким невысоким лицом и не резко выраженными монголоидными чертами в строении лицевого отдела, где средняя горизонтальная уплощенность сочетается с малым углом выступания носа и относительно высоким переносьем. Это позволяет относить данный морфологический компонент к обь-иртышскому антропологическому типу западносибирской расы (Багашев, 1998; 2000; Дремов, Багашев, 1998).

Результаты межгруппового сравнения выявляют наибольшее сходство суммарной краниологической серии андроновской (федоровской) культуры лесостепного Алтая среди синхронных групп с ярко европеоидными сериями, в составе которых прослеживается смешение широколицих протоевропейских и узколицих средиземноморских краниологических типов. Подтверждается и присутствие в составе локально-территориальных групп андроновцев (федоровцев) лесостепного Алтая разной доли выделенных морфологических компонентов. Межгрупповое сравнение выделенных краниологических типов в составе населения эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая показывает, что доминирующий морфологический андроновский вариант протоевропейского типа связан с появлением и распространением на данной территории носителей андроновской (федоровской) культуры. Генетические истоки его находились к западу от исследуемой территории. Средиземноморский морфологический компонент связывается по происхождению с группами населения елуинской культуры Рудного Алтая, где доля монголоидной примеси в их составе, как предполагается, была минимальной или вовсе отсутствовала. Немногочисленный морфологический компонент с чертами западносибирской расы в более раннее время на изучаемой территории не встречался. По происхождению он связан с северными районами подтаежной полосы Западной Сибири. Его наибольшее морфологическое сходство наблюдается с женскими группами эпохи ранней и развитой бронзы этой территории, а среди них максимальное – с единокультурным населением Барабинской лесостепи.

Глава IV. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ГОРНОГО И ЛЕСОСТЕПНОГО АЛТАЯ ЭПОХИ РАННЕЙ И РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ В СВЕТЕ ДАННЫХ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ

В данной главе результаты изучения палеоантропологических материалов сопоставляются с трактовкой археологических источников.

Параграф 1 посвящен обсуждению вопросов древней истории Горного Алтая, решению которых способствует проведенное палеоантропологическое исследование. Новые краниологические данные свидетельствуют о миграционном происхождении афанасьевской культуры. Результаты проведенного анализа отвергают участие местных групп в расогенезе ее населения. Эти данные согласуются с устоявшейся точкой зрения, согласно которой афанасьевская культура не имеет местных корней и привнесена в готовом виде из других районов (Вадецкая, 1979; Семенов, 1987; Фрибус, 1998; Цыб, 1984; и др.). Мнение об автохтонности в восточных районах евразийских степей протоевропейского антропологического типа (Алексеев, 1989; Чикишева, Поздняков, 2003) не находит фактического подтверждения, так как черепа доафанасьевского времени с территории Алтае-Саянского нагорья и Центральной Азии морфологически отличаются от афанасьевских на уровне больших рас. Таким образом, палеоантропологические данные не могут являться подтверждением гипотезы центрально-азиатского происхождения афанасьевской культуры (Молодин, 2001; 2002).

Наибольшее краниологическое сходство афанасьевцев с населением восточной части ареала древнеямной общности Восточной Европы, а также предшествующим на данной территории, указывает на западное направление расогенетических связей. Новые краниологические материалы показывают совпадение характера локальной изменчивости и присутствие одних и тех же морфологических компонентов в составе афанасьевцев и восточноевропейского населения энеолита-ранней бронзы. Различия между краниологическими типами, выделяемыми в качестве основных антропологических компонентов в составе населения афанасьевской культуры, уходят в предьямный горизонт на территории южной части Восточной Европы. Отражением этого в археологических материалах является признание среднестоговско-хвальинской культурной общности в качестве генетической подосновы древнеямной на значительной части ее ареала (Сафронов, 1989; Телегин, 1985; Шапошникова, 1985; и др.). Вероятно, смешение исходных для афанасьевцев антропологических компонентов началось на территории Восточной Европы еще в доямное время. Различия между морфологическими вариантами, выделяемыми при анализе корреляций признаков суммарной афанасьевской серии, а также соответствующие им различия между локальными группами афанасьевцев Горного Алтая, в значительной мере повторяют характер кра-

ниологической дифференциации различных групп населения восточных районов древнеямной общности уже в собственно древнеямное время.

Всем морфологическим компонентам в составе афанасьевцев имеют соответствия в краниологическом полиморфизме населения энеолитаранней бронзы восточноевропейских степей и лесостепей к востоку от Днепра. Вероятно, прародина афанасьевцев находилась на обширной территории Днепро-Уральского междуречья. Этот вывод не подтверждает гипотезу о происхождении афанасьевской культуры из области юго-западных вариантов древнеямной культурно-исторической общности, но позволяет присоединиться к мнению о ее генетической связи с древнеямными памятниками Нижнего Поднепровья, Приазовья и Предкавказья, а также доямными на этой территории (Фрибус, 1996; 1998). На краниологических материалах не выявляется особая роль создателей «плоских» древнеямных могильников Поднепровья в сложении афанасьевской культуры (Фрибус, 1998), но они заставляют обратить внимание на сходство афанасьевцев с населением подстилающего древнеямную общность культурно-хронологического горизонта – среднестоговско-хвалынской общности преимущественно лесостепных районов от Днепра до Волги. Ее памятники сближаются с афанасьевскими и хронологически. Вероятно, миграция «протоафанасьевцев» с территории Восточной Европы началась на ранних этапах сложения древнеямной общности или в непосредственно предшествующий этому период. Она является продолжением реконструируемого палеоантропологического процесса аккультурации и ассимиляции древнеямниками энеолитического населения юга Восточной Европы, сопровождавшегося вытеснением его части из более западных районов складывающейся культурной общности на восток (Шевченко, 1986). Расогенез населения афанасьевской культуры на территории Южной Сибири связан с консолидацией морфологических особенностей пришельцев. Однако она не была завершена и еще выявляются следы прежнего краниологического разнообразия, характеризующего предков афанасьевцев на их восточноевропейской прародине.

Антропологический облик населения каракольской культуры отличается наличие значительного местного генетического компонента, морфологические особенности которого проявляются на черепах доафанасьевского времени. Генетическая преемственность каракольцев с неоэнеолитическими группами, оставившими погребения в пещерах Горного Алтая (Чикишева, 2000; 2003), подтверждается лишь для женской части населения эпохи бронзы. Мужчины-каракольцы в качестве своей монголоидной морфогенетической основы обнаруживают другой антропологический тип, отличающийся долихомезокранной мозговой коробкой, широким и высоким лицом. В предыдущую эпоху такая комбинация признаков зафиксирована на черепах из могильников в северных предгорьях

Алтая. Возможно, механическое смешение этих монголоидных вариантов началось еще в нео-энеолитическое время, поскольку погребения с территории Горного и предгорного Алтая принадлежат к одному культурному кругу (Кунгурова, 2005). Выявляемый в мужской каракольской группе европеоидный компонент отличается от афанасьевского краниологического типа и генетически не связан с населением афанасьевской культуры. Судя по данным А.В. Громова (1997), это же относится и к окуневцам Среднего Енисея. Все это не противоречит мнению об участии местных групп, проникающих из лесостепи в северные предгорья Алтая, в формировании каракольской культуры (Молодин, 1992; 2002), но не подтверждает гипотезу о значительной роли афанасьевского населения в качестве другого компонента сложения каракольской и других культур окуневского типа (Молодин, 2002; Семенов, 1997; Шер, 1994).

В состав населения каракольской культуры в качестве европеоидного компонента входил гиперморфный древнесредиземноморский тип. Его морфологические особенности обнаруживаются в серии из могильника культуры окуневского типа Аймырлыг в Туве и ярко проявляются на черепках из примерно синхронного Раннего Тулхарского могильника на юге Таджикистана (Кияткина, 1968). На фоне краниологических серий энеолита-бронзы юга Средней Азии последние морфологически довольно обособленные. По одной из археологических гипотез, оставившее данный могильник население являлось пришлым из западных по отношению к данной территории районов (Григорьев, 1999). В тоже время, большинство морфологических аналогий европеоидному компоненту в составе населения культур окуневского типа Горного Алтая и Тувы указывает на территорию Закавказья. Ранее краниологические материалы этих районов в связи с особенностями гиперморфного варианта средиземноморской расы не рассматривались. Севернее Большого Кавказского хребта морфологические особенности группы из Раннего Тулхарского могильника повторяются на краниологических находках новосвободненской культуры. В еще более северных степных районах Предкавказья сходная комбинация признаков фиксируется на черепках одного из морфологических компонентов населения древнеямной культуры (Шевченко, 1986). Таким образом, антропологическим данным в большей степени соответствует мнение об истоках пришлого компонента окуневской культуры на территории Северного Кавказа и Предкавказья (Есин, 1995), чем гипотеза о его связи с катакомбной общностью (Лазаретов, 1997), если распространять их на родственную каракольскую культуру.

В параграфе 2 результаты изучения палеоантропологических материалов эпохи ранней и развитой бронзы лесостепного Алтая сопоставляются с трактовкой археологических источников. Население елунинской культуры объединяет с синхронным каракольским, сложность и много-

компонентность их в значительной мере совпадающего антропологического состава. Как у каракольцев, у елуинцев женщины в среднем монголоиднее. Женская часть населения елуинской культуры сохраняет генетическую преемственность с нео-энеолитическими группами Верхнего Приобья и предгорий Алтая. Эти данные соответствуют выводам исследователей о значительной роли местного компонента в формировании елуинской культуры (Грушин, 2002; Кирюшин, 1986). Мужская часть ее населения характеризуется чертами европеоидной средиземноморской расы с небольшим монголоидным компонентом, прослеживаемым уже как биологическая примесь. Выявляемая тенденция его увеличения в более северных и/или хронологически более поздних группах соответствует мнению о более интенсивных контактах елуинцев с инкультурным окружением на периферии ареала культуры, а также на более позднем хронологическом этапе ее развития (Грушин, 2003; Кирюшин, 2002). Продолжением этой тенденции являются краниологические особенности населения кротовской культуры, где доля европеоидного компонента еще меньше, монголоидный характеризуется чертами низколицего типа, а европеоидный однотипен с европеоидным компонентом в составе елуинцев. В данных результатах палеоантропологического анализа находит подтверждение концепция, согласно которой часть населения елуинской культуры под давлением андроновской миграционной волны переселилась в районы Барабы и среднего Иртыша, где в процессе взаимодействия с местным населением степановской культуры формируется кротовская (Кирюшин, 1992; Кирюшин, Грушин, 2001).

Помимо сходного монголоидного субстрата, родство населения культур кротовско-елуинской культурной общности и окуневского типа определяет однотипный европеоидный компонент. Появление его связано с одним миграционным потоком, в составе которого преобладали мужчины. То есть, данные палеоантропологии соответствуют, в целом, концепции В.В. Боброва о «блоке» родственных сибирских культур самусьско-сейминского времени, формирующихся на разной субстратной основе под воздействием общего культурного компонента южного происхождения, появившегося в результате миграции населения (Бобров, 1987; 1994). Антропологическое своеобразие населения данных культурных образований определяется расовой дифференциацией местных групп, в значительной степени соответствующей краниологическому полиморфизму населения неолита-энеолита Южной и юга Западной Сибири; некоторой разнородностью пришлого антропологического компонента, морфологическим «ядром» которого являлся гиперморфный древне-средиземноморский тип; количественным соотношением местного и пришлого компонентов; а также глубиной зашедшего между ними смешения. В плане поиска прародины населения, миграция которого привела

к формированию культур самусьско-сейминского времени данной территории, особенно перспективными следует признать Северный Кавказ и Предкавказье. В данных районах в эпоху ранней бронзы проживали группы с краниологическими особенностями как гиперморфного варианта средиземноморского типа, так и брахикранные широколицые протоевропейцы и узколицые средиземноморцы. Последние явились основой европеоидного компонента населения окуневской и, по-видимому, самусьской культур соответственно. Возможно, что мигрирующее население характеризовалось ослаблением европеоидных особенностей еще до расселения на территории юга Западной и Южной Сибири. Идентичность в этом отношении черепов елунинской культуры и из могильника Аймырлыг с серией примерно синхронного времени из Синьцзяна дает возможность предполагать, что миграция осуществлялась через территории, прилегающие к Восточному Туркестану. Это подтверждает мнение о продвижении пришлого населения, вошедшего в состав елунинской культуры, из лежащих к югу и юго-западу от Верхнего Приобья районов через Восточный Казахстан (Кирюшин, 2002).

В составе населения андроновской (федоровской) культуры лесостепного Алтая выявляются антропологические компоненты разного происхождения. Распространение на территории лесостепного Алтая преобладающего в количественном отношении компонента с чертами андроновского варианта протоевропейского типа связывается с миграцией из западных районов. Это согласуется с археологическими данными о миграционном характере андроновской (федоровской) культуры на территории Западной Сибири (Косарев, 1981; Матющенко, 1973; Молодин, 1985; и др.) и о формировании ее в западных по отношению к ней районах (Зданович, 1988; Кузмина, 1994; Матвеев, 1998; Ткачева, 1997; и др.). Новые краниологические данные с учетом археологического контекста позволяют сопоставлять выделяемый в составе андроновцев (федоровцев) лесостепного Алтая европеоидный средиземноморский антропологический компонент не с населением алакульской культуры (Дремов, Козьмин, 1993; Молодин, Чикишева, 1988), а с популяциями предшествующего времени этой же территории. Это соответствует гипотезе о частичной ассимиляции и вытеснении населения елунинской культуры андроновским (Кирюшин, 2002). Выясняется, что степень участия местных групп в формировании населения эпохи развитой бронзы лесостепного Алтая была значительной, но для разных районов не одинаковой. Андроновцы включали в состав своих коллективов носителей елунинской культуры Рудного Алтая. Процесс аккультурации сопровождался вовлечением их части в андроновский миграционный поток и в расселение в районах Верхнего Приобья. Проживавшие здесь группы носителей елунинской культуры, имевшие в своем составе значительную

долю монголоидной примеси, вытеснялись со своих территорий. Проблема же соотношения андроновской (федоровской) и алакульской культур андроновской общности с помощью палеоантропологических данных должна решаться на казахстанских материалах.

Доля монголоидного компонента в составе населения андроновской (федоровской) культуры лесостепного Алтая была существенно ниже, чем предполагалось ранее (Дремов, 1997). Он проявляет особенности обьиргышского антропологического типа западносибирской расы, не имеет генетических корней на данной территории и генетически связан с местным антропологическим компонентом культур самусьско-сейминского времени подтаежной зоны Западной Сибири. На территории лесостепного Алтая он появился, вероятно, через брачные связи уже в рамках андроновской общности с группами, проживавшими в Барабинской лесостепи. Данное направление связей на археологических материалах пока не находит отражения.

Исследованные материалы имеют отношение к исторической проблеме происхождения кетов, значение которой выходит далеко за территориальные и хронологические рамки диссертации. На основании гипотезы о связи кетских (енисейских) языков с древними и современными языками северокавказской языковой семьи, А.М. Малолетко связывает языковых предков кетов с населением андроновской (федоровской) культуры, носители которой, в свою очередь, мигрировали в Сибирь из Передней Азии через Кавказ (1994; 2002). Палеоантропологические материалы не могут служить подтверждением последнего. Однако в предшествующее время палеоантропологически реконструируется мощная миграционная волна с территорий Кавказа или непосредственно прилегающих к нему районов, следствием чего явилось формирование культур самусьско-сейминского времени. Других столь масштабных миграций на территорию Сибири из районов Кавказа в эпоху бронзы на палеоантропологических материалах не фиксируется, что, основываясь на гипотезе А.М. Малолетко, заставляет пересмотреть культурную атрибуцию и время появления в Сибири языковых предков кетов.

Подводя итоги проведенного исследования, нужно отметить, что ведущей формой расообразовательных процессов на территории Горного и лесостепного Алтая в исследованный период являлась метисация, что, вероятно, обусловлено географическим положением данных районов. Формирование населения изученной территории в эпоху ранней и развитой бронзы связано, в первую очередь, с миграцией европеоидных групп разного происхождения из западных и часто весьма удаленных районов, а также их взаимодействием с местными популяциями. Модели освоения мигрантным населением занятой территории в плане взаимодействия с местными группами существенно различались. Афанасьевцы практически не вступали в палеоантропологически уловимые контакты с автохтонным

и, вероятно, довольно редким населением. В самусьско-сейминского время прошлое население активно вступало во взаимодействие с местным группами преимущественно путем брачных связей. Формы и интенсивность взаимодействия андроновцев (федоровцев) с местным население были неодинаковыми. В одних случаях оно полностью вытеснялось, в других – включалось в состав андроновских коллективов.

В **заключении** подведены итоги исследования, отражающие степень достижения поставленной цели и сформулированных задач, обозначены направления для дальнейших исследований.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

1. Солодовников К.Н. Антропологический состав андроновского населения Верхнего Приобья (по материалам могильника Фирсово XIV) // 275 лет сибирской археологии. Материалы XXXVII Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Красноярск: Изд-во КГПУ, 1997. С. 49–50 (0,2 п.л.).
2. Солодовников К.Н. Краниологическая серия андроновцев Северо-Восточного Казахстана // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Материалы XLI Региональной археолого-этнографической студенческой конференции. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 231–237 (0,7 п.л.).
3. Солодовников К.Н., Ларин О.В. Краниологическая серия из могильника Сальдьяр I афанасьевской культуры Горного Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 119–123 (авт. вкл. – 0,25 п.л.).
4. Солодовников К.Н., Тур С.С. Материалы к краниологии эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 124–128 (авт. вкл. – 0,25 п.л.).
5. Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. №10. С. 3–27 (2,9 п.л.).
6. Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). Приложение I. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. С. 142–176 (авт. вкл. – 1,0 п.л.).
7. Солодовников К.Н. Антропологические данные к вопросу о формировании населения Верхнего Приобья в эпоху ранней и развитой бронзы // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Кн. I. С. 172–178 (0,3 п.л.).

8. Солодовников К.Н. Антропологический состав населения андроновской культуры Верхнего Приобья (по материалам из могильника Фирсово XIV) // V Конгресс этнографов и антропологов России. Омск. 9–12 июня 2003 г. Тезисы докладов. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2003. С. 257–258 (0,02 п.л.).
9. Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника Сальдьяр I в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. Приложение 1. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 120–154 (1,7 п.л.).
10. Солодовников К.Н. Краниологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV в свете проблем формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2005. С. 47–75 (3,5 п.л.).
11. Тур С.С., Солодовников К.Н. Новые краниологические материалы из погребений каракольской культуры эпохи бронзы Горного Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во АКИН, 2005. С. 35–47 (авт. вкл. – 0,75 п.л.).
12. Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №6. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. С. 127–147 (2,2 п.л.).

Таблица II

Суммарные серии черепов археологических культур эпохи ранней и развитой бронзы Горного и лесостепного Алтая

Культура		Афанасьевская		Каракольская	Елунинская		Андроновская	
Пол		♂	♀	♂	♂	♀	♂	♀
1	Продольный диаметр	191,0(56)	182,8(26)	195,3(3)	192,3(11)	183,9(8)	187,7(46)	176,5(45)
8	Поперечный диаметр	141,9(55)	137,7(26)	145,8(4)	139,4(12)	135,3(7)	140,4(44)	136,8(43)
8:1	Черепной указатель	74,2(54)	75,3(25)	76,5(2)	72,3(11)	72,9(6)	75,2(43)	78,0(42)
17	Высотный диаметр от ба.	139,2(38)	134,5(21)	134,5(2)	137,3(8)	127,6(7)	138,3(38)	132,5(35)
17:1	Высотно-продольный указатель	73,0(38)	74,2(21)	69,2(2)	71,3(8)	69,2(7)	74,2(37)	75,2(35)
17:8	Высотно-поперечный указатель	98,5(38)	98,2(21)	90,3(2)	98,7(8)	94,8(6)	98,3(37)	96,4(34)
20	Высотный диаметр от ро.	116,8(46)	111,9(21)	113,2(3)	116,9(10)	110,8(5)	118,1(44)	113,6(39)
5	Длина основания черепа	107,6(40)	103,3(21)	108,0(2)	104,8(8)	100,7(7)	105,7(39)	99,8(34)
9	Наименьшая ширина лба	100,1(58)	95,5(28)	96,4(5)	95,7(11)	92,9(10)	96,6(46)	94,9(49)
32	Угол профиля лба от п.	81,9(48)	84,8(23)	76,0(3)	78,6(7)	78,2(5)	82,7(44)	85,1(37)
40	Длина основания лица	103,4(35)	97,1(19)	103,5(2)	100,6(5)	99,4(5)	102,9(37)	97,0(31)
40:5	Указатель выступания лица	96,1(35)	94,3(19)	95,9(2)	96,0(5)	97,6(5)	97,1(37)	97,2(31)
45	Скуловой диаметр	139,0(50)	128,6(25)	146,0(3)	133,9(9)	130,3(5)	136,3(43)	127,6(38)
48	Верхняя высота лица	70,2(51)	66,6(23)	74,0(4)	73,9(7)	70,5(8)	69,7(43)	66,5(40)
48:45	Верхний лицевой указатель	50,5(45)	51,9(22)	51,6(3)	55,3(6)	54,1(4)	51,0(39)	52,4(36)
72	Общий лицевой угол	86,0(43)	86,5(20)	88,7(3)	86,2(6)	84,6(5)	85,1(41)	85,0(36)
77	Назоямальный угол	138,0(49)	136,2(22)	136,4(5)	139,5(11)	140,5(12)	137,3(47)	138,2(47)
ZZm'	Зигмаксиллярный угол	126,3(40)	124,8(21)	134,2(3)	130,3(4)	129,6(6)	124,2(41)	125,5(35)
51	Ширина орбиты от mf.	44,5(42)	42,5(21)	45,3(4)	44,0(8)	42,6(7)	43,5(47)	42,0(39)
52	Высота орбиты	31,2(52)	30,7(26)	33,2(4)	34,1(8)	34,1(7)	31,8(48)	32,7(40)
52:51	Орбитный указатель от mf.	69,9(42)	72,4(21)	73,1(4)	77,7(8)	80,0(7)	73,1(46)	77,7(39)
55	Высота носа	51,5(49)	48,6(23)	52,2(5)	52,2(7)	51,2(9)	50,6(43)	48,6(40)
54	Ширина носа	26,0(50)	24,8(23)	24,7(4)	25,8(7)	25,1(8)	25,1(46)	23,9(38)
54:55	Носовой указатель	50,6(48)	51,0(22)	46,9(4)	49,4(7)	49,2(8)	50,1(42)	49,3(38)
75(1)	Угол выступания носа	34,8(41)	30,3(18)	24,7(3)	29,0(5)	21,3(7)	34,5(35)	27,8(32)
SC	Симотическая ширина	9,02(42)	8,39(19)	9,45(4)	8,56(8)	9,04(8)	8,79(40)	8,74(37)
SS	Симотическая высота	5,50(41)	4,71(18)	4,35(4)	3,75(8)	3,84(8)	4,96(40)	4,46(37)
SS:SC	Симотический указатель	62,2(41)	57,2(18)	45,0(4)	44,7(8)	42,8(8)	56,8(40)	51,7(37)
DC	Дакриальная ширина	22,70(41)	21,37(17)	24,33(3)	24,77(6)	23,27(7)	22,44(36)	21,38(32)
DS	Дакриальная высота	14,01(39)	13,55(17)	11,67(3)	11,78(6)	10,74(7)	14,08(36)	11,93(31)
DS:DC	Дакриальный указатель	62,5(39)	64,2(17)	48,4(3)	48,1(6)	46,1(7)	63,4(36)	56,3(31)

Подписано в печать 21.11.2006 г.
Формат 60×90/16. Усл. печ.л. 1,0
Заказ №_____. Тираж 150 экз.

Типография ООО «Квартет»
Барнаул, Комсомольский, 63